

ГАХРИЕ

Гахрие откинулся на спинку кресла за столом, потянулся, положил руки на лицо и высоко поднял локти. Его уже несколько дней мучило это напряжение, рой нервов, бурливший в животе, и это сводило его с ума. Прошлой ночью он проспал, если повезет, часа четыре, случайно разбудив Калле, когда тот решил встать раньше солнца и вернуться к своим занятиям.

Это казалось таким неправильным - не просто лежать и обнимать ее, держать ее рядом. Но его единственная надежда... что он ошибался... он должен был это выяснить. А Создатель не сотрудничал. Его дары дали ему лишь половину ответов. Он молился, чтобы остальные были в историях.

Он должен был узнать. Что-то не сходилось, и он должен был понять. Он должен был! Он не мог сделать этот звонок, не будучи уверенным. Но время до того, как он должен был совершить переход, стремительно сокращалось. И вот он сидел здесь. И здесь, в очередной раз, он был в замешательстве.

Он опустил руки на ручки кресла, но остался сидеть, откинувшись назад и уставившись в потолок.

Необходимость была ясна. Но инструменты...

Он покачал головой, задыхаясь. Калле говорил, что он никогда не был так похож на лошадь, как когда был расстроен.

Мысль о ней вызывала у него улыбку и боль.

Он дал истории еще один час, и если он все еще не найдет то, что искал, он пойдет искать ее к завтраку. Она пошла прогуляться, вероятно, опять возле портала. Каждый раз, когда он собирался переходить, она проводила там все больше времени. Он не боялся, что она попытается перейти. Ни у кого из них не было искушения попытаться это сделать. Но он подозревал, что по мере приближения срока она испытывает тот же зуд, что и он - быть на месте. На всякий случай.

Пытаться контролировать то, что нельзя изменить.

Его стул скрипнул, когда он с тяжелым вздохом сел обратно, оглядывая комнату. Впервые он увидел эту комнату более двадцати лет назад, когда впервые перешел из Анимы в мир людей, поклявшись кровью защищать Элию, свою королеву. Тогда это была спальня Элии, когда его впервые ввели в нее.

И когда позже он вернулся один в мир людей и в Большой дом Хранителей, то обнаружил, что Калле оставил себе апартаменты, чтобы чувствовать себя рядом с ним. Там он чувствовал себя в большей безопасности, чем где-либо еще в огромном поместье. Потому что все было знакомо, подумал он. Так они и остались там вместе.

Двадцать лет. Двадцать долбанных лет... - он покачал головой. Двадцать лет любви, радости и, в основном, покоя, и вот так все должно было закончиться?

Он снова опустил лицо на руки, молясь. Молясь о том, чтобы то, что он не понимал, стало ясным. Чтобы то, что он не мог увидеть впереди, озарило его и принесло надежду и радость.

Молился, чтобы он ошибся, и чтобы время, когда ему нужно вернуться, стало ясным. Потому что он разрывался между паническим желанием попасть туда и поговорить с Рэтом и Элией, полным ужасом от этой мысли и желанием никогда не заводить этот разговор.

Смятение в его груди было похоже на руки, которые тянули его за ребра, трещали в груди, пытались растащить его в две разные стороны. Именно поэтому он не мог заснуть. И почему половина его души хотела встать с этого кресла, собрать сумку и отправиться в Аниму. Сделать эту гребаную работу, вернуться и обнять свою подругу, пока есть возможность. Но...

"Папа?" - тихо произнес глубокий голос позади него.

Гарай быстро опустил руки и повернулся к двери, заставив себя улыбнуться.

Его сын, Риис, стоял в дверном проеме, его плечи заполняли весь проем, одна рука лежала на ручке двери, которую он открыл, а другой он держался за дверную раму, словно боялся, что его выдует обратно. Его красивое лицо (Калле говорил, что он похож на Гарие, что всегда заставляло Гарие закатывать глаза) было бледным. Его челюсть была сжата, а брови нахмурены.

Что за черт? "Что происходит?"

"Обещай мне, что не бросишь маму", - прорычал Риис.

Гэхри остолбенел, и ему пришлось мысленно повторить слова, чтобы убедиться, что он их правильно расслышал.

"Что, конечно, нет! Риис, что...?"

"Обещай мне! Я знаю, что ты планируешь путешествие.

Обещай, что вернешься и не оставишь ее здесь!"

Гэхри повернул кресло - антикварное, которое они нашли, сделанное полностью из кожи и дерева, за исключением латунных колесиков. Единственный стул, который когда-либо был у него, не вонял ужасной синтетикой, которой был полон этот мир. Он поднялся на ноги и направился через комнату, чтобы взять сына на руки, но Риис выпрямился и отступил назад в гостиную их номера, словно не хотел его обнимать. Гарие остановился в замешательстве.

Хотя это было правдой с четырнадцатилетнего возраста Риса, даже сейчас, шесть лет спустя, он снова удивился, увидев, что смотрит сыну в глаза.

Его сын был мужчиной. Это поразило его воображение.

Однако Гарие был уверен, что сможет взять его, если понадобится.

"Риис, - сказал он мягко, но твердо, - я планирую поездку, но она ничем не отличается от всех остальных. На самом деле, возможно, она будет короче. Я не останусь там. И я никогда не оставлю твою мать".

"Но..."

"Рис", - сказал он, понизив голос и пристально глядя на своих сыновей. "Послушай себя. Твоя мать - моя подруга. Я бы никогда... ты знаешь это".

Риис моргнул, его грудь поднималась и опускалась, глубоко, но слишком быстро. Его челюсть дергалась, и от него несло страхом. Что-то его очень расстроило.

"Сынок, что происходит?" тихо спросил его Гахрие.

Но прежде чем Риис успел ответить, дверь из коридора в апартаменты распахнулась, причем слишком быстро. Калле резко остановилась, увидев, что ее товарищ и сын стоят и разговаривают друг с другом в дверях кабинета Гарие.

Как и каждый день на протяжении двадцати лет, сердце Гарие забилося, увидев ее. Но этот прилив любви быстро угас, потому что Калле уставилась на него так, словно была в ужасе.

"Что такое?" - спросил он, внезапно испугавшись, что может знать ответ.

"Это происходит", - вздохнула она. "Они здесь. И люди уже в Аниме. Это происходит, Гахрие".

Затем она бросилась через всю комнату к нему на грудь...

Он поймал ее и прижал к себе, когда Гар и Аарин шагнули за ней, оба выглядели очень обеспокоенными.

<http://tl.rulate.ru/book/77243/2563738>